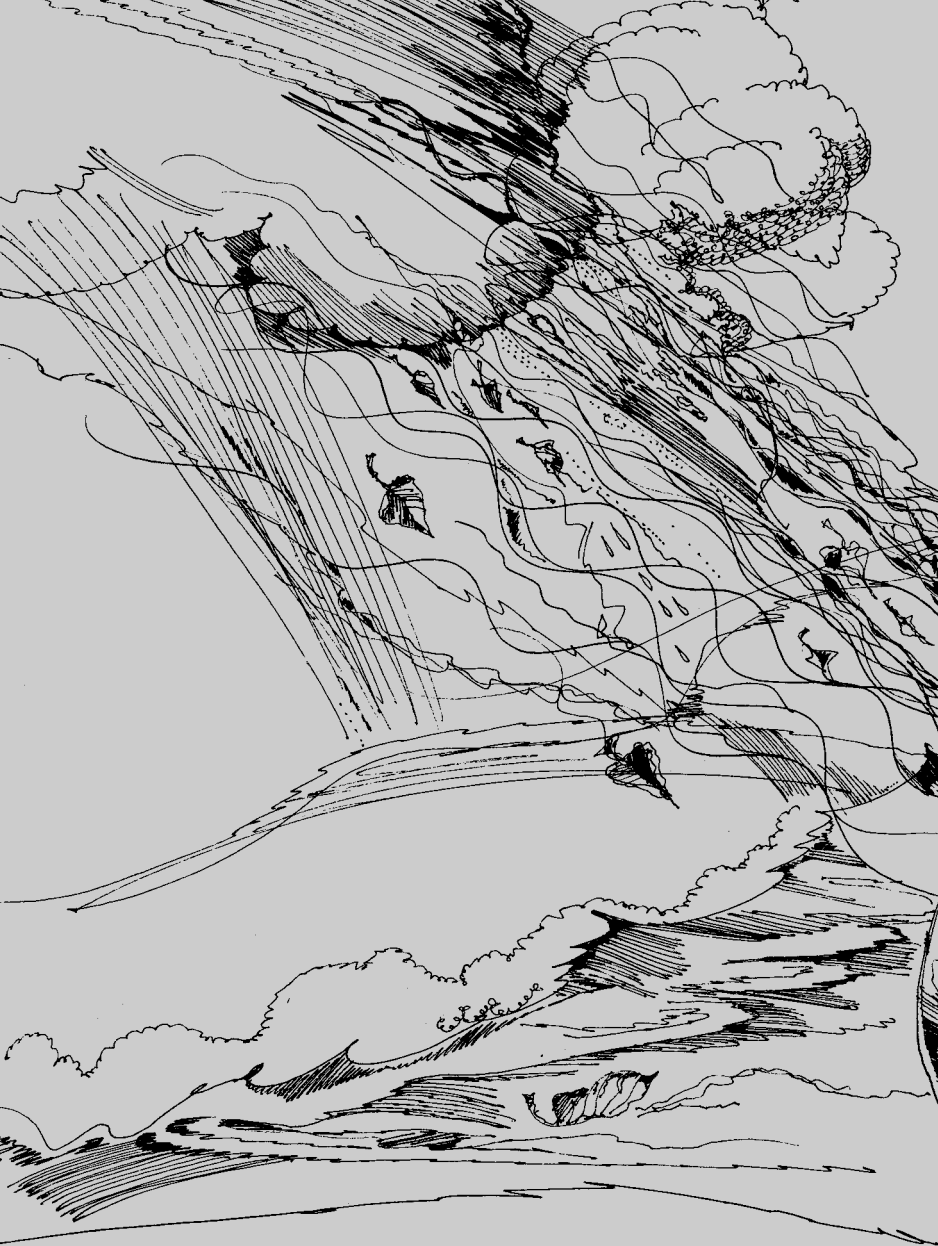

ХМУРАЯ ОСЕНЬ

АРКАДИЙ
ХЕЖИЖ

АРКАДИЙ
ХЕНКИН

ХМУРАЯ
ОСЕНЬ

Нет, не горечь обид,
Не тоска поущедшим
Гложет сердце мое
И покоя мне нет.

Мои думы о тех
Молодых, неокрепших,
Кто по жизни пойдет
И проложит свой путь.

Пусть дорога им будет
Негладкой, неровной.
Но поменьше б ухабов
И без западни.

Так шагайте же смело
Своею дорогой
Для себя и для тех.
Кто вас ждет впереди.

Я тебе ничего не скажу.
Что слова? Одно лишь звучанье.
Я любовь глубоко схороню,
Пусть улыбка нам будет прощаньем.

Мне прошлое видится праздником.
Прошедшим сквозь годы мои,
Но память услужливо скажет:
А так ли, мой друг? Не лги.
И повинясь совести,
Не покривив душой,
Скажу вам, друзья моей юности:
— Конечно же, я не святой.

Бывали и беды, и радости
И не состоялась любовь.
Но жизнь ведь прекрасна,
И в старости мне праздником видится вновь.

Оставь печаль ты у порога,
Лицо улыбкой озари,
Не оставайся недотрогой:
Ведь жизнь чудесна и в ночи!

О Боже! Радость то какая —
Жить на земле, а не в раю,
Встречать рассвет, вдыхать прохладу,
В лесу к березке прислониться,
Подслушать птичий разговор
И шаловливый шум ручья,
И ждать единственную ту,
Кто в сновидениях приходит,
А иногда и наяву.

О чем просить тебя, — не знаю,
Желания покинули меня,
Я с горечью о прошлом вспоминаю
И воскрешаю образ твой из небытия.

Мне видится лукавая улыбка
И боль в бездонных голубых глазах.
Прости меня, родная, за ошибку,
Что разлучила нас тогда в недобрый час.

Я в мыслях так стремлюся к людям
И счастлив предстоящему общенью.
Но почему, как рок, как мщенье
Мне властный голос восклицает : «нет!»
И снова остаюсь в своем я заточеньи,
А там вдали забрезжил уж рассвет,
И затихает шум, веселья.

Она блистательно прекрасна.
Неповторимо хороша,
Для всех мужчин она опасна,
Для женщин, кажется, слегка.

Ее встречают с восхищеньем,
Со злобою глядят вослед.
И все бы хорошо в этом твореньи,
Да вот беда: ей чуточку поменьше бы ума.

И снова я один, от тишины оглох,
Мир звуков растворился там вдали,
Молчаньем я, как саваном, одет,
И жизнь промчалась где-то позади.

На людях она надменна и строга
И, кажется, неведомы ей сострадание и жалость.
Но ты попристальнее взглядишь в ее глаза,
Тебе откроется душевная краса,
Какая, может быть, на свете не бывала.

Надежда умирает последней.
Да, ты уже не та, и я совсем не тот,
И жизнь едва теплится в наших душах.
Мы, взявшись за руки, бредем в страну чудес,
Боясь на миг остановиться.

Но почему порывы ветра так сильны?
Перехватив дыхание, они нещадно душат.
Надрывно глухо стучат наши сердца,

Моля на миг остановиться.
Смотри, родная, цель уж так близка.
Еще чуть-чуть, еще совсем немного.
Но... падает она, упал, сраженный он,
Лишь их надежда прошла еще немного.

Для всех не кстати я живу,
Брожу обочиной дороги,
И если захочу уйти,
Меня никто не остановит.
Не остановит. А зачем?
Живу я долго, всем не кстати.
Пора б убраться в лучший мир,
В котором всем я буду кстати.

Когда жестоко нестерпима боль
И когти хищника терзают грудь,
О, Боже, дай мне воздуха глоток,
Избавь от нестерпимых мук.

Страдания — расплата за грехи,
Но так уж сотворен тобою человек,
Что неразлучны в нем и жизнь и грех,
И потому так скоротечен его век.

Ну, что же делать? Так случилось —
Друзья ушли, а я живу.
Тропу я проложил к могилам,
К вам на свиданье прихожу.

Без вас, друзья, мне так тоскливо,
Я неприкаянным живу,
И манит дальний берег дивный,
Где вижу вас, как наяву.

Я знаю — это лить виденья,
А там за далью — пустота.
Что может смертный в этом мире?
Чтить память близких до конца.

Нет, не хочу я быть тебе судьей
И не хочу я быть тобой судимый.
Пусть лучше нас рассудит недруг мой,
Чем праведную ложь приму я от любимой.

«Телячьи нежности» нам вроде б ни к чему
Они ни хлеб, ни молоко, ни мясо.
Но почему-то все живое тянется к любви.
Не забывая ни на миг о хлебе, молоке и мясе.

Рожденный бездарью
По всем немислимым статьям,
Какою сатанинскою игрой
Он должен был предстать перед толпой,
Чтобы прослыть, если не гением,
то, на худой конец, талантом.

Есть люди, которым верят больше, чем себе.
Предательство их кажется абсурдом.
Не дай вам Бог дожить до той поры,
Когда друзей измена явится подспудно.

Когда звонок уж прозвенел последний,
И некуда спешить, и незачем желать,
Картины прошлого встают из преисподней,
Они зачем-то вдаль меня манят.

Коварные! Кого вы обмануть хотите?
В преддверьи вечности разгадка тайн ясна.
И жизнь уж прожита
И грешен я сполна.

Но, может быть, что правда и что ложь,
Что корысть, что доброта —
Не в том заслуга наша иль вина.
Мы — плод божественного предрешенья,
его подобие, его творенье.

Все так и в том сомненья нет.
Но навсегда, разумный человек,
Останься человеком,
И в этом — высшее призвание твое.

Он правды от нее не ждет
Он жаждет ею быть обманутым навечно,
Он любит ее так и чтоб не потерять,
Готов любую ложь ее за истину принять.

И молится он ей как божеству,
И гонит прочь людскую злобную молву.
Рожденный мужем он на ратные дела,
Врагов несчетно сокрушая, ее он встретил
на свою беду,
Свой светлый разум и несокрушимый дух
К ее стопам бездумно он бросает.

О, господи! Избавь его от колдовства
И от бесчестья защити.
Победным ветром его наполни паруса
И к славе и величью приведи.

Где-то там за горизонтом, друзей оставив хоровод,
Брожу по свету одиноко и жду, как манны, их
приход.
Неужто прошлые забавы, и радость встреч,
и шумный пир,
И тяжкий труд и огорченья — все, из чего наш
соткан мир,

Приходят к нам лишь в сновиденьях?
О нет, друзья, совсем не так:
Ведь жизни нашей продолженье —
В сияньи чудных детских глаз.

Любовь ведь в юности приходит откровеньем,
Сметая на своем пути законы и условности бытия,
В потоке чувств рождается прозренье,
И возникает та, неповторимая, из небытия.

В одно мгновенье все переменялось,
С восторгом, обожаньем смотришь ты на мир,
И каждая травинка низко поклонилась
Единственной избраннице твоей.

Слова, слова ложатся на бумагу
И заполняют лист с начала до конца.
Но почему они такие неживые?
В них нет ни мысли и ни музыки стиха.

Быть может, я устал, и отдохнуть хочу я,
И думы мои вовсе о другом.
Но завтра, завтра в стих и мысль и музыку
вдохну я,
И вместе с ним по жизни мы пойдем.

Какой-то странный нынче вечер.
Ведь все, как будто, как вчера.
Но почему так глухо бьется сердце
И гложет страх, и неумная тоска?
Гони ты прочь наветы и знаменья.
Вовек не сбудутся они.
Иди в обнимку, жизнь, с любовью,
И никакие испытанья не страшны.

Кажется, время подходит,
Тишина да покой вокруг.
Ох и пора нам, друг мой,
Двинуться в дальний путь.

Нас уж не ждут испытанья,
В прошлом остались они,
Нет ни любви, ни страданья,
Нет ни веселья, ни тьмы.
Только одна лишь дорога,
Гладкая, как ладонь.
Так улыбнися, друг мой,
Ведь дальше — желанный покой.

Еврей в чужой стране,
Стоявший у кормила власти,
Был бесконечно предан ей,
Но час расплаты приближался,
И он вдруг в яме оказался.

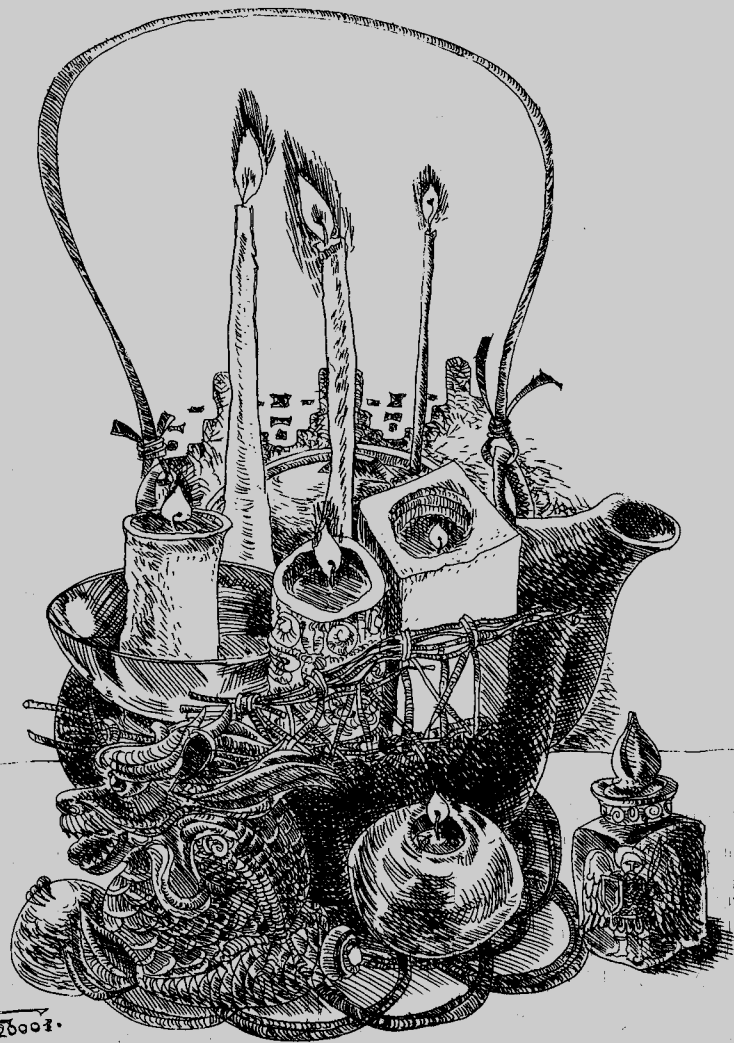
Побитый, жалкий наш еврей.
Смирненно стоя в смрадной луже,
Он задавал себе вопрос:
— За что? Ведь я владыке был так нужен
И выцеловывал его, как мог?

И так в веках сценарий повторялся,
И о своих корнях еврей лишь вспоминал тогда,
Когда из пана в хама превращался
И господу благодарил за то,
Что в луже так уютно и тепло,
А там, в верхах было намного хуже.

«Отцу» всех времен и народов

Тебе в злодействе равных нет.
От сотворенья мира не было такого.
В горах рожденный, ты мечтал о том,
Чтоб черепа людей тобою убиенных,
К вершинам Гималаев доросли.

Прозрачный воздух — гибель для тебя.
Ты дышишь кровью человеческой.
Так трепещи, злодей, возмездие грядет.
Но и тогда, через века народ не сыщет
Достойной кары для тебя.

Я отзвук не найду в душе твоей.
Оборванной струной любовь на веки смолкла.
Быть может, кто-то ловкий молодой
Заставит зазвучать ее негромко.

Друзья бесценные мои! О, как давно ушли вы
в безвременье,
Оставшись в памяти живых, тех, кто явился
вашим продолженьем.
Вы были лучше во сто крат меня, в вас было
божье озаренье,
Вы создали мир и так любили жизнь.
Над вами, мне казалось, неподвластно время.
До боли вижу я знакомые черты, характеры,
привычки, увлечения.
Ну почему так рано вы ушли, не долюбив
и не исполнив своего предназначенья?
Но где-то, может быть, есть высший смысл бытия,
Оно в потомстве повторит прекрасные черты
моих друзей,
Давно ушедших в безвременье.

Оставь меня ты, дальняя дорога,
К тебе вернусь, когда настанет срок.
А я сейчас пойду своей дорогой,
Чтоб сделать то, что прежде не сбылось.

Ни власти, ни богатства я не жажду,
И, если не любви, то уважение людей
хочу я заслужить.

Ну, а потом — прими меня ты, дальняя дорога,
И я пойду, куда ты поведешь.

Все мое сокровенное, что таил от людей,
Подарю без остатка нелюбимой моей.
И не жаль мне ни жизни, не прожитых лет,
Для нее нелюбимой подарю я рассвет,

Щебетание птиц и шелест листвы,
Свет холодной звезды и терзанья свои.
Все отдам, подарю нелюбимой моей
В память той, что любил, но которой уж нет.

М.Я. Прилуцкой

В который раз в кругу друзей
Мы отмечаем день ее рожденья.
И славим ум, и доброту ее,
И трепетно благодарим судьбу
За радость предстоящего общенья.

Пусть годы мчатся, ускоряя бег,
И грусть нежданная приходит к нам все чаще.
Но, слава Богу, есть на свете человек,
Марией нареченной от рожденья,
Которой, кажется на свете лучше нет,
и всем спокойно и надежно с нею.

Так сядемте тесней, подыдем тост, друзья
За здоровье Марии нашей
И никогда и счастье и здоровье, и надежда
Пусть в этом малом доме не убудут.

Любимая, ты не грусти и не кляни бывшее.
Что с нами случилось, то так и быть должно.
Любовь мы не смогли сберечь с тобою,
А птица Феникс, как ты знаешь, в неволе не живет.

Ну что ж, любимая, все в мире скоротечно,
И знать, не настоящей любовью была
Что упорхнула в поднебесье, и жизнь нам надо
начинать с нуля.

«Молчанье — золото» — об этом спору нет.
И это — твоё жизненное кредо.
Когда ж воруют золото твоё,
Истошно ты вопишь и яростно клянешь
молчанье других.

Когда-то, в детстве меня одолевали сновиденья,
И мир являлся мне другою стороною бытия,
И звезды стлались по земле причудливым ковром,
А сам я устремлялся ввысь, и с легкостью, достойной
удивленья,
Кружил над облаком, таинственной обителью богов.
И воздух был пронизан голубым свеченьем.

Сквозь свет его я узнавал отца и мать,
Но виделись они мне неживыми,
И нестерпимый страх охватывал меня.
Я камнем устремлялся вниз
И просыпался я с надеждою на то,
Что это был всего лишь сон.

Прошли года, десятилетия,
Давно уж нет в живых родителей моих
Но память о тех чудных сновиденьях
Тревожат душу и в золотое детство меня влечет.

Свершая путь единственный и верный.
Им недосуг, владыкам, в наши души заглянуть. А жаль:
Насколько бы земля очистилась от скверны
И каждому из нас легко было б вздохнуть.

Ты ошибаешься поэт иль борзописец:
Ведь в ваших подлых душах я дневал и ночевал.
И уничтожил треть советского народа,
А остальных на каторгу сослал.
И потому да здравствует свобода!
Ее вам я, Иосиф Сталин, завещал!

В беде пусть тогда помочь мы рады людям,
В успехе их — с ехидцей потираем руки,
Нас душит зависть и злоба,
Такое, кажется, и пережить нельзя.

И чтоб восстановился status quo,
Те люди вновь должны попасть в беду
И испросить у нас прощенье за недозволенное
огорченье.

Так в унижении других свое «величье»
мы утверждаем,
На деле же ничтожество свое на людях прославляем.

Не лги и не обманывай, не надо!
Ведь знаешь ты и знаю я, что все уж позади:
Приход зари и разноцветье мая,
И ледяное дыхание зимы.

Сегодня тишина и завтра будет тоже.
Она меня уж боле не гнетет.
И ничего я не хочу.
И ничего на свете мне не надо,
Я светлой грустью о былом себя вознагражу.

Слушая Евтушенко

«Я стар, я немощен, о, как бессилен я!
Собрав все недуги в один кулак,
Я саданул по бабьим телесам.

И вот на свет явился мой наследник,
Быть может, на страданья иль сиротство».
Зачем поэт свершил свой неразумный шаг?
Иль возмечтал ты о бессмертии?
Иль чтоб свою гордыню утолить
И в старости мужчиною прослыть?

Кто разгадает поэта мыслей сокровенных бег,
Да и к чему?
Оставим в стороне хулу
И воздадим хвалу тому,
Кто возвеличил душу иудея
И пригвоздил к позорному столбу
Антисемита и злодея.

Не потому, что юнность возвратилась,
Не потому, что зрелость подошла,
Но, чтобы вновь почувствовать себя мужчиной,
Мне позарез понадобилась «свежина».

И бестия незамедлительно явилась,
И все мои мечты сбылись,
И вновь я молод и неотразим,
А это значит — старость победила.

Как заклинанье я повторяю твое имя.
Молю тебя, любимая, не покидай меня.
А между делом я сбегая к блондинке,
Что б утвердиться в мысли:
Ну, нет мне жизни без тебя.

Зачем, старуха-смерть, ты так настойчиво
стучишься в дверь
И, гостей не успев войти, хозяйкой хочешь
обернуться ?
Ужель я новой жертвой избран был тобой?
И гибелью моей ты хочешь насладиться?
Умерь свой пыл, веди себя достойно!
Мой срок еще не наступил.

Сейчас меня заботят радости земные.
Ну, представляешь, старая, ты вот пришла
за мной,

А я в объятьях молодой. Картина да и только!

Состаришься ты в ожидании новой жертвы.
И сокровенные желания твои известны.
Ты думаешь: пусть покуражится он год-другой.
Но слово-приговор будет моим последним,
ведь от рожденья смертный он.
Все так. Но кану в вечность я для возрожденья к
новой жизни.

И потому меж нами, старая, жестокая борьба
и боевая вечная ничья.

Хмурая осень, порывистый ветер.
Капли дождя на ресницах твоих.
Помнишь, родная, единственный вечер,
Что подарила нам жизнь на двоих?

Шли мы тогда дорогой знакомой,
Тускло светили огни фонарей,
Рядом мелькали лица прохожих,
И небосвод становился темней.

Вот, наконец, тот старенький домик,
Хлопают ставни, разбито крыльцо,
Слышится где-то стон приглушенный,
Шепот и говор, будто как стон.

Что-то тревожное, неотвратимое
Страхом наполнило наши сердца,
Но, как могли, мы противились призракам,
Только сбылась бы наша мечта.

И наступили мгновенья безумные,
Счастья любви, блаженства и слез,
Явь, сновиденья, провалы сознания,
Вихрем бушующим в ночи пронеслось.

И тишина, тишина та гнетущая
Звонким молчаньем пронзила мой мозг,
Свет уж в окне забрезжил неуверенно,
Где ж ты, любимая, что с тобою стряслось?

Годы промчались и я уже состарился,
Жизнь коротая в обнимку с бедой,
Осенью хмур брожу одиноко,
Может быть, где-то я встречу с тобой?

*Письмо другу Берхину о событиях
эвакуации института в период войны.*

Мой друг! К чему нам ворошить былое?
Для нас самих оно почти чужое.
Потомству нашему оно и вовсе ни к чему.
Творит оно в пространстве и во времени ином,
И потому мы с ним на разных полюсах живем.

Ну, не сердись, мой друг. Я понимаю:
Оставшимся в живых, так хочется
Свои деянья воскресить
И тем крупицу памяти в потомстве заронить.
Но все ведь в этом мире скоротечно,
Забвенье — вечно.

Солдаты падают и падают в Ливане,
Кровинка наша, соль земли.
А мы, пришедшие оттуда, с полей чудовищной войны,
Как нам спасти родное племя,
Солдат сберечь как от беды?

Сейчас мы немощны и стары,
Сердца наши едва стучат,
Но нам нельзя, мы не имеем права,
Чтоб дети наши, внуки наши
Легли бы в землю раньше нас.

Многострадальный мой народ,
Песчинка в океане зла,
Где ты найдешь свое спасенье?
Неужто в проповедях лжепророков
В непротивлении злу насильем?

Ложь во спасенье не для нас.
Очнись, народ мой!
Ты славен был великими делами
И несравненными умами.
Не дай маньякам медовыми речами
Непоправимое свершить.

Спасенье наше в единении народа,
С оружием в руках добывшего свободу.
Земля ж в обмен на мир нам катастрофу повторит.
Ни обменять, ни разменять мы родину не можем.
Она нам — мать одна на все века.

Мир без земли — обман,
Он неугоден богу. И мой народ, страдалец
и герой пойдет своей дорогой.

Пока меж нами лютует несогласье и вражда
Солдаты падают и падают в Ливане,
Чужую землю кровью окропив.

Другу Харогу М.

Мой верный друг! Я счастлив в этот славный день
Торжествовать твое рожденье,
И недругам на удивленье
Тебе победный путь желаю повторить,

Пусть не цветами устлана твоя дорога,
И в жизни всякое пришлось хлебнуть.
Но прожил ты свое с достоинством и честью,
И потому я горд тобою, мой бесценный друг!

Богохульные речи твои
Слышу я не впервые, изгой,
Для людей твоя правда страшна,
Но скажи мне как пред сатаной:

(Бога нет ведь в душе у тебя)
Счастлив сам ты, творя людям зло,
Утопая в беде других?
И ужель никогда, никогда
Беспричинная радость бытия
Не коснулась твоей души,
Не волнует приход зари
И журчание ручейка,
И призывная песня любви?

Что случилось с тобой, человек,
Кто обрек на презренье тебя?
Сотворил ведь обоих нас бог,
Почему же меж нами война?

Но молчанием был мне ответ,
Где же истина бытия?
В чем и где сокрыта она?
Не дано нам познать ее
И нам бога судить не дано,
Может быть, разум нам дан на то,
Чтоб добро побеждало зло.

Злодейство злодейству — рознь.

Один, уверовав в непогрешимости своей,
Творит его на «благо» всех людей,
Представ пред жертвою судьей и палачом.
Другой прочь гонит правду от себя,
Чтобы расправу с легкостью исполнить
И с совестью своей в ладу остаток дней прожить.
А третий, в порыве гнева, не колеблясь,
Вершит неправый суд свой,
И кается, страдает и вновь злодейство повторяет.

Представ пред очи грозного царя,
Все трое ждут судьбы своей решения.
И молвит царь: «повесить первых двух немедля,
А третий — пусть живет и голову
 повинную свою,
И каждый и каждое мгновение
На плаху он несет».

Стоит он над могилою врага и думу думает:
Такая вот судьба нас рассудила.
Ты там, внизу добыча для червей,
А я в расцвете сил и все подвластно мне:
И женщины, и деньги и вино.

И счастью моему нет ни конца ни края.
Но ведь с судьбой-злодейкой шутки плохи.
Мгновение спустя он был сражен
Ударом молнии жестокой.
Кто знает, не будь между людей вражды,
Быть может, не было б разлучницы — судьбы?

Она сказала с укоризной:
«Ты что, приятель, очумел?
В твои года стихи не пишут,
Секс и любовь — не твой удел.
Ты должен подружиться с клизмой,
Она послужит для тебя как друг, как верная жена.
Не оступись, не упади, о молодцу зацепившись.
И помни, старый хрыч, всегда,
Что клизма — вот твоя стезя».

А мне, барану, бегущему под нож
Хозяина-кормильца, как-то невдомек,
Что вот сейчас свершится казнь,
И жизнь бесценная моя
Уж более не повторится.
Прозрев в последний миг
Я озабочен лишь одним,
Чтобы хозяин угостил
Друзей отменным шашлыком.
Жаль только трапеза
При мне не состоится.

А. Блоку

Двадцатый век, его начало.
Как рано, Блок, тебя не стало.
Две жизни я твои прожил.
Но что сумел, и что свершил?

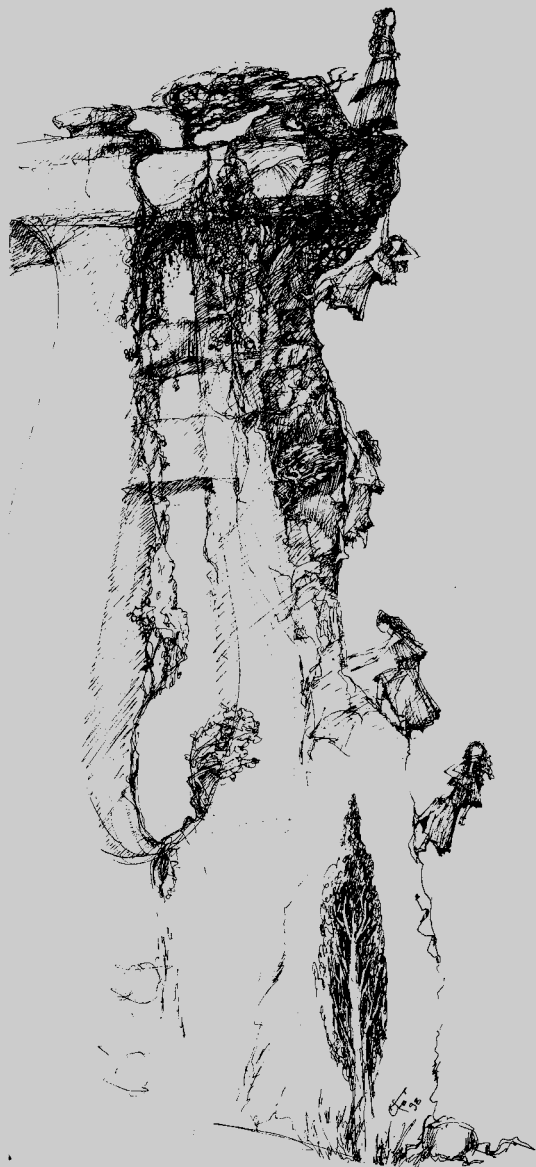
А ты в стихах своих живешь,
Страдаешь, мучаешься, ищешь.
Клеймишь и любишь и скорбишь.
Людей величье и пороки
Воспел в божественных строках своих.

В коварстве женщин, их изменах
Ты святость, жертвенность узрел.
И Русь великую прославил,
Ее ты сыном верным был,
Ее страданиями жил.

В веках ты прошагаешь к славе,
Ты мой и всех людей кумир.

Перебирая в памяти писателей, поэтов имена.
Когда-то живших,
На них глядим мы как-то свысока
И думаем с усмешкой про себя:
Все-то у них несовершенно,
Наивно, старомодно, неумно.

Но вот в чем парадокс:
Потомство о них помнит, знает, чтит,
А наших «гениев», что нынче прославляем,
Без сожаления на завтра забываем.

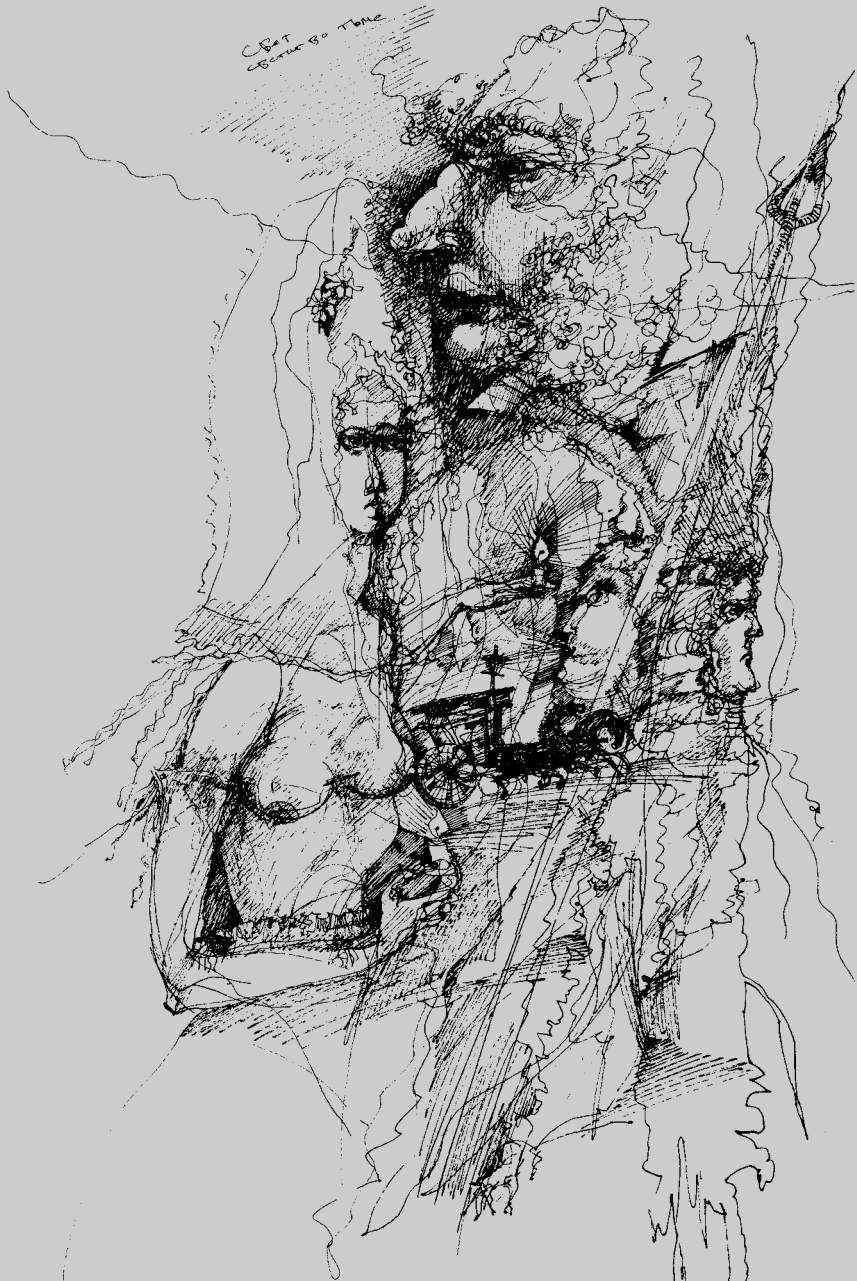

Что вечно, что нетленно под луной?
Быть может, несжимаемость воды,
Или ноябрьский звездопад.
Иль свет, тепло, что излучает солнце.
Иль вечный Рим, его свершенья,
Или религии каноны?

Нет, все не то, но лишь одно —
Движенье вечно, под стать которому характеры людей,
Их алчность, доброта, и верность и измены.
Все то, что свыше нам дано.
Что составляет сущность человека.

Для каждого из нас судьбой очерчен круг.
Мы в юности, нам кажется, творим, дерзаем
И новые миры неведомые людям открываем.
А юность властвует, торопит, побеждает.
Но скрытно, крадучись к нам зрелость подступает.

Она прозренья, не похмелье нам дарит,
В ней сладость с горечью утраченных надежд.
И чужды нам дерзанья и свершенья,
И нечего нам юности сказать.
Не в этом ли отцов проблема и детей?
А старость — увяданье?

Так быть должно.
Она ж духовность в людях отбирает.
Ее удел — сражение со смертью без надежды.

Все в этой жизни суета-сует.
И в круге том, очерченном судьбой,
Мы вечно пребываем,
И превозмочь его нам, смертным, не дано.

Посейдон спросил осла:
«Как живешь ты без царя?»
И отвечивал осел:
"В нашем стаде есть закон —
Что не осел — то Посейдон».

Милая, нежная, страстная.
Что ж ты примолкла в ночи?
Как разбудить тебя ласкою,
Как уберечь для любви?

Тихие зори растаяли,
Землю окутал туман.
Не растопить лед души твоей.
Все в этой жизни — обман.

Я так люблю порочных, падших, лживых.
Изнеженных и мстительных и милых.
Они зовут, они влекут меня.
О, где найти мне нерастраченные силы,
Что б победить порок,
Сильнее во сто крат меня?

Ицхаку Гольдману.

Наш друг, Ицхак!
Тебе сегодня десятков восемь уж минуло.
А это ведь не просто так, не поле перейти.
И в жизни твоей бурной всякое бывало,
И горя ты хлебнул немало,
И радостями не был обделен.

И пусть твоя семья когда-то не сложилась,
Любовью женщин был ты награжден.
Да и сейчас ты, кажется, не промах.
Так и держать на долгие года.

Вперед, Ицхак! И только с песней.
Тебе ведь, еще нужно бабий век прожить.
И потому в твой славный день рожденья
С тобой мы вместе.
Лехаим за тебя, наш добрый друг!

Соков живительных лишенная
Так и присохла на корню,
Ее любовь неуголенная
Свою не встретила судьбу.

И редко, редко ночью лунною
Надежда посетит ее,
Она в слезах окаменелая
Все ждет и ждет свою мечту.

А он пред ней прекрасный царственный.
Глядит с усмешкой и молчит.
Что хочешь, дева, ты несчастная?
Ведь я давным-давно убит.

Пред сечей страшной, безнадежною
Я лишь на миг узрел твой лик.
И молвил про себя я клятвенно:
Моей женой должна ты быть.

Не сбылось счастье, смерть-разлучница
Развела мои мечты,
И поле брани мне завещано
И ложем нашим и домом быть.

И пусть она мечта не сбылася,
Пусть обманула нас судьба,
Одной душой, одною звездочкой
С тобою станем навсегда.

С земли узнают нас влюбленные,
И из далека-далека
Пошлем им мир, надежду, счастье
Без войн, без горя, без разлук.

Приди мое ты вдохновенье.
Нежданно так, само собой,
Прошелести ты нежным дуновеньем,
Чуть прикоснувшись головы моей.

Какое счастье жить в согласии с тобою
И следовать велениям твоим,
И быть никем, и робкою рукою
Слагать твой сокровенный стих.

Валерию Х.

Племяннику-поэту мои слова признанья!
Талантливость твоя — она сверх всякой меры.
Но можешь ли ты быть примером для меня?
И я мечтал когда-то свою галиматью поэзией назвать.

Она во мне как прыщ, как гемморой,
И не дает мне обрести покой.
И вовсе не трагично, в кого я обернусь.
Пусть плыть и плыть мне по теченью
И как г.... остаться на плаву,
И услаждать людей и запахом и взором,
И никому не быть укором.

Отболело мое сокровенное
И исчезло в невидимой тьме.
Эй, вы, годы мои улетевшие,
Что ж не явитесь даже во сне?

Позабыто, что было, что не было.
Теплота материнских рук
И глаза твои с поволокою,
Что поныне куда-то влекут.

Были годы страданий и радости,
И любовь, как сказка, как сон.
Пепелище — вот все, что осталось
От прожитых когда-то времен.

Но придут через годы, что лучше нас,
И красивее и сильнее —
Созидатели жизни чудесной
Для себя и своих детей.

И свершится когда-нибудь чудо,
На земле воцарится мир.
Человек ведь рожден для счастья.
Так навеки тому и быть!

Моей внучке Соне в день Бат-Мицвы.

Ты пришла из детства золотого.
Чтобы жизни долгий путь пройти.
Так дерзай, твори, будь счастлива, здорова
Минимум ад меа вэ эрим.

Отчий дом тебе надежда и опора
Чти родителей, не забывай.
Их любовь, и утешенье и отрада,
Ну, а час настанет — им опорой стань.

Хорошо в полете трудном, дальнем
Знать, что и твоя звезда взошла.
Пусть ведет она тебя дорогой гладкой
Для свершений и побед и радостей бытия.

Она благоразумна, справедлива и добра,
Подельчива и состраданию сестра.
Надежна в дружбе, слово держит до конца.
Все в ней возвышенно и благородно —
Пример для подражания она.

Но секс ее — он ахиллесова пята.
Лишь ей мужчина улыбнется,
Призывным долгим взглядом одарит,
Она тот час вся встрепетается,
Любовный пламень уж ее настиг.

И распласталась перед ним она.
И шепчет в заклинаньи: я твоя!
Мгновенья страсти в вечность обернулись.
Им кажется, конца не будет.
Но наважденье исчезает.
Пылающий костер, рассыпав гроздь искр,
Потрескивая, догорает.

И вновь она такая, как всегда —
Благоразумна, справедлива и добра.
К вам мой вопрос, мужчины:
Подсудна ли она? И, если да, то судьи кто?
Ведь вся она сотворена из одного адамова ребра.

И потому помалкивайте, господа!
И в меру сил своих любите и грешите,
И рогоносца честь не посрамите!

Я зримо воскрешаю молодость свою,
Те хмурые года, когда уста народные молчали,
И шла война, рекой лилася кровь,
И властвовал тиран,
И ночи не было конца,
И свет в людских очах погас.
Такою редкостью улыбка детская была.

Стонала Русь, стонала вся планета,
А он, тиран, все жаждал крови.
Герой и трус с восторгом шли под нож; его,
И все ему «Ура» кричали.

Потомкам не понять, какое «колдовство»
вершилось на земле.

Бессилен разум объяснить бывшее.
Но вот свершилось чудо — смерть прибрала его.
Стон мертвых и живых прошел по всей планете.

Прозренья наступило через годы.
Но было поздно — рухнула страна,
И заплатил народ сполна,
Себе кумира сотворил, забыв о боге.

Над моей могилой
Слеза не прольется,
Не услышать стона,
Тихих причитаний,
Шелесту листвы
Молчанье отзовется,
Да вороний «карр»
Округу огласит.

Я так устал от суеты людской,
Ведь жизнь — одно лишь повторенье.
Историю творит злодей,
И на века приходит запустенье.

Не грусти об ушедших годах
Нашей юности неповторимой,
Когда небо, и море, и звезды
Были только для нас,
И единым дыханьем мы жили.

Я разглажу морщинки твои,
Напою их живительной влагой,
Тело станет вновь молодым,
Розовеющим и желанным.
Распалю пламень милых очей,
Вновь засветятся жемчугом зубы.

Изваяю твой девичий стан,
Жар любви в твою душу вдохну я.
Все сбылось, о чем я так страстно мечтал.
Вновь ты молода, неотразима.
И великая сила моей бескорыстной любви
Чудо дивное это свершило.

О себе лишь я позабыл,
Навсегда породнившись с бедою.
Жалким, немощным старцем брожу
По обочине старой, разбитой дороги.

Темной ночью, пред самой грозой
Ты ушла, не простившись со мною,
К новой жизни, любви неземной.
И однажды в недобрый предутренний час,
На беду повстречался с тобою.

Шла ты с принцем прекрасным,
Как сказка, как жизнь.
И тогда небо, и звезды, и море
Были только для вас,
И единым дыханьем вы жили.

Чуть надменно, брезгливо
Взглянув на меня,
Сиясь вспомнить прохожего старца,
Ты ведь все же узнала меня,
И твой лик исказила злоба,
А глаза излучали проклятье.

Не виню, не кляню за измену тебя:
Предначертанное свершилось.
Молодое по жизни идет с молодым,
Так во веки веков и было.

Но зачем же, родная, зачем
И презренье твое и проклятье?!
Ведь когда-то и небо, и звезды и море
Были только для нас,
И единым дыханьем мы жили.

Со страху заяц нападает и на льва,
И царь зверей с позором поле брани покидает.
Ты скажешь: «В жизни всякое бывает».
Все так, но чтобы выжить стае,
Вожак рожден быть должен с сердцем льва.

По-умному писать я не умею,
По-глупому писать я не хочу,
И потому пишу, тебя лелея,
Корзина, друг мой, для тебя пишу.

Я прорасту сквозь камень и асфальт,
Чтобы испить глоток свободы.
И пусть потом меня раздавит власть,
Творящая наперекор народу.

Я знаю, верю, за мною полчища пойдут,
Они вздыбят, взорвут твердыни подземелья,
И ликования час придет, великий час
освобождения.

P.S. Как сладостны надежды и мечты,
Ушедшей молодости нашей,
Но как горьки ее плоды...

Чтобы величье гения познать,
Всю глубину и мощь его творений,
И выстрадать, и горечь унижений,
И град насмешек, и презренье,
И жизнь за истину отдать —
Худителям и критикам пусть на одно мгновенье
В его бы шкуре побывать.

Живу без смысла без надежды,
Бездумно коротая дни.
Воспоминанья о прошедшем
Из памяти моей ушли.
Иссякли мысли и желанья,
И жизнь мне стала боле ни к чему,
И страшно наступленье смерти.

О ты, кудесник Мандельштам!
Кто из ушедших, несравненных
К тебе приблизится бы смог?
Быть может, Бродский, Пастернак

Или Ахматова, Цветаева —
России необъятной преклоненье?

Вы — цвет поэзии нетленной,
Все вы шагаете в одной упряжке,
И груз несчастий поколений
Безропотно взвалили на себя.

Но, если на сердце я руку положу,
У совести своей настойчиво спрошу,
За что люблю тебя я, Осип?
В ответ я лучше промолчу.
Творения твои я сердцем принимаю,
Но ум противится проникнуть
В суть вещей вещей,
Таких простых и сложных.
И плавится мой мозг асфальтом,
И вытекает вязкою смолою
Сквозь позвоночник.

В твоей вороньей черной шубе
Я мерзну даже в нестерпимый зной.
Но есть бессмертное творение твое,
Оно открыто всем сердцам и всем ветрам.
«Мы живем под собою не чуя страны» —
Так названо оно поэтом.

Тиран, усатый горец с руками паука,
В нем заклеимен на все века.
А ты ранимый и тшедушный,
Пошел на тирана с открытым забралом
И сгинул в сибирской тайге,
«Чтоб раздался и выше и шире
Отклик неба во всю твою грудь».

Доколе слава — спутница твоя
И правдою и верой тебе служит,
Ты ею тяготишься
Иль, может быть, лукавишь иногда?

Когда ж она избранника обитель покидает
И преклонение людское исчезает,
О, как, кудесница, тебе нужна,
Как воздуха глоток,
Как верная жена.

Стихи, как всякие стихи,
Они печальны, веселы,
Правдивы, лживы и пусты
Иль полны смысла и значенья.

Любой из них принимаю я,
Была б в них жизнь,
Было б движенье.

Мне больно за свою страну.
И я кричу, уста сжимая.
Что будет с нею, я не знаю,
Но я предчувствую беду.

День Йом Кипур стучится в дверь,
Тревогой душу наполняя.
С тобой что будет, мой народ?
Судьбу свою ты сам решаешь.

За все в ответе ты сейчас —
За «левых» и за «правых»,
За торг землей, Иерусалим,
И за безмозглого главу,
За «миротворцев» наизнанку.

Страна в кольце, страна в огне,
Сплотись народ, похорони раздоры.
Твое единство нас спасет
От поражения и позора.

Мне отмерено много лет.
Что б найти свою половину.
Днем с огнем я обшарил весь свет,
Но нигде не встретил любимой.

Может быть я с ленцою искал
И любимая знала об этом,
Потому и молчала она,
И на SOS отвечала приветом,
Но совсем по другим адресам.

А надежда теплится во мне,
Хочу встретить тебя непременно.
Но зачем через годы ты мне, я тебе?
Дорога ведь ложка к обеду.

Есенину Сергею

И не нужны тебе ни титулы, ни званья.
Одно лишь имя вслух произнеси,
Тотчас полетится слов очарованье,
Они и стар и млад навек заворожат,

Сережа, друг мой!
Ты вновь, мне кажется, ошибся,
Не слопали четвероногие луну.
Опохмелившись, ты в этом убедишься.
Вот и сейчас она сияет в небе высоко,
И душу холодит и навевает грусть.

Не любви пусть тебе распевы петуха,
А мне планета неживая.
Что из того?
Пред тем, как Бахусу нам должное воздать,
Хотелось бы и девичьей красе
И тихим зорям низко поклониться.

Перешагнув рубеж 75,
Три брата занялись «важными делами»:
Один перпетуум-мобиле изобретает,
Другой стишки никчемные слагает,
А третий — миллионы в «спорт-лото» сшибает.
Для всех троих — ни пользы, ни навару.
Была б потеха, была б забава.

Порой мне кажется,
Что я готов дерзать,
Могу я все преодолеть,
Лишь явится желанье.
Но вот проходит миг,
За ним — другой,
И безнадежно сник
Я над своей
Несбывшейся мечтой.
Но за свои грехи
Я не кляню друзей
И не склоняю головы
Перед судьбой и проведением.
Я знаю — счастья миг придет
И воплотится все заветное.

Не о тебе я думаю сейчас,
Не о тебе мои мечты и сновиденья,
Я покорен другою, несравненной мисс.
Да, ты права —
Лишь на одно мгновенье.
Пусть знаю я тебя не год, не два,
И мною ты изведена до дна,
А потому исчезла новизна.
И в сердце поселилась скука.
Не огорчайся, милая моя,
Я излечусь от тяжкого греха,
Чтоб возродить свое
Угаснувшее чувство.
Ну, а пока пришпорю я коня:
Ведь та другая дожидается меня.

Когда для всех —
Бездумное веселье
Улыбка детская
Так красит старика,
И все вокруг покойно
И надежно,
Мне хочется вызвать
И заклинать народ
К борьбе сейчас, немедленно!
Смертельный враг
Уж у двери твоей
Упереди его
Лишь на одно мгновенье,
И враг повержен будет
В прах.
Но слишком поздно:
Вокруг царит
Бездумное веселье,
И худшее пришло.

Ты гениев штампуешь,
Как болты,
Не позаботясь о нарезке к шайбам.
Но каково нам, дуракам,

Вкушать твои плоды,
Не ведая на что употребить
Сие «никчемное» хозяйство.

Жизнь в одиночестве прожить —
На то талант от бога нужен.
О, боже, дар мне твой не нужен,
Чтоб жизнь в одиночестве прожить.

Господу!

Взбодритесь старые солдаты,
Годам, болезням, вопреки.
Пусть время клонит вас к земле,
Улечся в землю не спешите.
Взбодритесь старые солдаты,
У нас еще все впереди!

СОДЕРЖАНИЕ

Нет, не горечь обид	55
Я тебе ничего не скажу.	55
Мне прошлое видится праздником.	55
Оставь печаль ты у порога.	55
О Боже! Радость то какая	55
О чем просить тебя, — не знаю	55
Я в мыслях так стремлюся к людям.	55
Она блистательно прекрасна.	1
И снова я один, от тишины оглох.	55
На людях она надменна и строга	55
Надежда умирает последней.	55
Для всех не кстати я живу	55
Когда жестоко нестерпима боль	55
Ну, что же делать? Так случилось	55
Нет, не хочу я быть тебе судьей.	55
«Телячьи нежности» нам вроде б ни к чему	55
Рожденный бездарью	55
Есть люди, которым верят больше, чем себе	55
Когда звонок уж прозвенел последний	55
Он правды от нее не ждет	55
Где-то там за горизонтом, друзей оставив хоровод ..	55
Любовь ведь в юности приходит откровеньем.	55
Слова, слова ложатся на бумагу	55

Какой-то странный нынче вечер.	55
Кажется, время подходит	55
Еврей в чужой стране	55
«Отцу» всех времен и народов	55
Я отзвук не найду в душе твоей	55
Друзья бесценные мои! О, как давно ушли вы	55
Оставь меня ты, дальняя дорога.	55
Все мое сокровенное, что таил от людей	55
М.Я. Прилуцкой	55
Любимая, ты не грусти и не кляни бывшее	55
«Молчанье — золото» — об этом спору нет.	55
Когда-то, в детстве меня одолевали сновиденья	55
Свершая путь единственный и верный	55
В беде пусть тогда помочь мы рады людям	55
Не лги и не обманывай, не надо!	55
Слушая Евтушенко	55
Не потому, что юнность возвратилась	55
Как заклинанье я повторяю твое имя.	55
Зачем, старуха-смерть, ты так настойчиво	55
Хмурая осень, порывистый ветер	55
Письмо другу Берхину	55
Солдаты падают и падают в Ливане	55
Другу Харогу М.	66
Нас миллионы, миллионы, миллионы.	55

Я хочу быть самым собой.....	55
Злодейство злодейству — рознь.....	55
Стоит он над могилою врага и думу думает	55
Она сказала с укоризной.....	55
А мне, барану, бегущему под нож.....	55
А. Блоку	55
Перебирая в памяти писателей, поэтов имена	55
Посейдон спросил осла	55
Что вечно, что нетленно под луной?.....	55
Для каждого из нас судьбой очерчен круг	55
. Милая, нежная, страстная.....	55
Я так люблю порочных, падших, лживых.....	55
Ицхаку Гольдману	55
Соков живительных лишенная	55
Приди мое ты вдохновенье	55
Валерию Х.....	55
Отболело мое сокровенное.....	55
Моей внучке Соне в день Бат-Мицвы.....	55
Она благоразумна, справедлива и добра	55
Я зримо воскрешаю молодость свою	55
Над моей могилой	55
Я так устал от суеты людской.....	55
Не грусти об ушедших годах.....	55
Со страху заяц нападает и на льва	55

По-умному писать я не умею.....	55
Я прорасту сквозь камень и асфальт.....	55
Чтобы величье гения познать	55
Живу без смысла без надежды.....	45
О ты, кудесник Мандельштам!.....	55
Доколе слава — спутница твоя.....	55
Стихи, как всякие стихи	55
Мне больно за свою страну	55
Мне отмерено много лет.....	55
Есенину Сергею.....	55
Перешагнув рубеж 75.....	55
Порой мне кажется.....	55
Не о тебе я думаю сейчас	55
Когда для всех.....	55
Господу!	55
Жизнь в одиночестве прожить.....	55
Взбодритесь старые солдаты	55